

# **«КАРА»**

## **Повесть-быль**

Фирма «Раковы и сыновья», как раковая опухоль, охватила Самару и Москву. Пользуясь смутными временами, неразберихой и подкупностью местных властей, налоговых инспекторов, милиции, охваченных жадой наживы, Раковы с сыновьями вытаскивали рыбку за рыбкой, не брезгуя ни чем, вплоть до кражи госсобственности, путем ложного списания оборудования, машин, станков, увиливания от налогов путем закрытия через два месяца деятельности одних подставных предприятий и создания новых, фиктивного приема на работу инвалидов и других «методов». Глядя на эту бурную «деятельность» так и хочется воскликнуть: «Велика Россия! Ну как не разгуляться на ней всякой нечестии!»

Геннадий Васильевич Раков, как глава фирмы, часто навещался в Москву, покидая свой семейный очаг в Самаре. Нежные прощальные поцелуи с супругой, обещания вернуться поскорее, любить и помнить. Как это трогательно!

Москва. Столица. Здесь все продается и все покупается. Рынок.

Конечно у Геннадия Васильевича, как у преуспевающего дельца, есть свой гостиный двор. И, конечно женщины. Молоденькие, пухленькие. Прелесть. Послушные. Непослушных, он, как глава фирмы, на работе не держит. Все как у всех.

Анатолий Николаевич молодой специалист. Отец Толи, давний друг Геннадия Васильевича, уговорил своего бывшего одноклассника взять Толю к себе на работу.

- Ты знаешь, Гена, трудно моему сыну. Жениться парень хочет. А для этого важного жизненного шага нужна база. Парень он с головой, обузой тебе не будет.

Геннадий Васильевич дал добро и парня взял конструктором. Для более высокого заработка Анатолия направили в командировку в Москву на завод, взятый в аренду. Нелегальная гостиница для командированных из Самары рабочих без особых удобств, но ради денег люди терпят грязь, неустроенность, положение нелегалов. Толе выделили комнатку. В городе носа не покажешь, поэтому лучший способ себя занять – это работа, благо поручили ему освоение компьютера. Конструирование с помощью компьютерной программы увлекло Толю, и он просиживает за монитором допоздна. В гостинице вечерами и в дни отдыха рабочие напиваются, затевают драки, поэтому общение с компьютером стало для Толи единственной отдушиной.

Подруга Толи Таня часто звонит из Самары, говорит, что ждет и скучает без него.

А дела Раковых идут в гору. Деньги сыплются, как из рога изобилия. Уже есть наметки приобрести самолет.

На работу приняли москвичку, молодую симпатичную девушку Таню. Приняли ее в бухгалтерию. Толе девушка приглянулась. Он стал заходить в бухгалтерию и предлагать свою помощь, освоил программу бухгалтерского учета на компьютере.

Слухи о блуднях Геннадия Васильевича в Москве не были тайной для сотрудников. Гостиный двор на Ботанической часто обсуждался в женских разговорах. Сексуальная тематика среди пострадавшего женского персонала была притчей во языцех.

В один из приездов Геннадий Васильевич, не нарушая заведенного правила, сделал обход всех рабочих комнат, познакомился с новыми сотрудниками, сделал замечания по неэкономному использованию электроэнергии.

На следующий день сотрудники узнали, что секретарша Генерального директора Вера уволена за опоздание на работу. В 11 часов Геннадий Васильевич пригласил к себе в кабинет Таню и предложил ей должность секретаря. Таню прельстило высокое жалование, и она дала свое согласие. Теперь Толя стал чаще бывать в приемной Геннадия Васильевича. Они с Таней стали ходить вместе в столовую, встречаться в курилке.

Татьяна, невеста Толи, все так же звонила из Самары, поскорее приехать, говорила, что скучает. Но теперь эти звонки мало трогали Толю. Москвичка Таня была более доступна, более интересна и более перспективна. Тем более, что примером служил сам Генеральный директор, так вольно обращающийся с женщинами.

Однажды Таня пришла к Толе взволнованная.

- Ты знаешь, приехал Геннадий Васильевич. Он просит меня поехать с ним на Ботаническую.

- Ни в коем случае – восторженно воскликнул Толя – Ты же слышала, что это за заведение. И до тебя добрался, старый хрен.

Таня ушла.

Через час она опять пришла к Толе.

- Ты знаешь, он грозит меня уволить, если я не соглашусь. Говорит, что я должна приготовить ужин его сыну и ему и он отвезет меня домой. Может быть поехать?

- Не соглашайся. Ты же знаешь этого старого козла. Он лжет. Не соглашайся.

- Но что же мне, увольняться? Ты же знаешь, как трудно найти сейчас место.

- Да, ты права, но я тебе не советую. Ты знаешь, я пойду с ним поговорю. Я сам смогу ему что-нибудь приготовить, если уж он сам не в состоянии.

Толя ринулся в кабинет к Генеральному директору.

- Я тебя не приглашал. Что ты врываешься? Вон отсюда. В Самару захотел?

Толя не успел даже слова сказать, как был выставлен за дверь.

- Вот гад – он вышел бледный с трясущимися губами. – Сволочь, слова не дал сказать. Таня, не езд, прошу тебя.

- Да не расстраивайся ты. Ну, съезжу я. Ты не волнуйся. Я же не позволю ему к себе подойти. Приготовлю, что он просит, и уйду. Не зверь же он. С ним же Виктор.

- Ты не знаешь этих зверей. Когда он разделялся с Веркой, Виктор тоже был с ним. Может быть, они устраивают коллективный сеанс? Нет, нет. Не соглашайся.

- Ну. Ладно.

Толя ушел в свою комнату, рабочий день закончился, он заглянул в приемную. Таня сидела на своем рабочем месте и спокойно набирала на компьютере какой-то текст.

- Я задержусь, Геннадий Васильевич дал мне срочную работу.

- Ну, я пошел. Что-то устал сегодня.

- Да понервничал ты. Иди отдыхай. Все будет нормально. Кажется, твой заход на него подействовал. Не идиот же он. – тихо проговорила она скороговоркой.

Анатолий пришел в свой номер, переоделся в тренировочный костюм и лег на матрац без простыни. Окна его комнаты выходили во двор завода. Толя лежал, перебирая в памяти события дня. «Ну и скотина этот Геннадий Васильевич. Нет, меня он не уволит. Но Татьяна.....»

Вдруг он услышал голоса во дворе. Он встал и подошел к окну. В джип директора садились Виктор, Геннадий Васильевич и Татьяна. Водитель в багажник ставил сумки.

- Скотина – закричал Толя, и бросился на улицу.

Когда он из гостиницы выскочил на улицу, машина уже ехала по двору завода.

- Стойте, стойте. Что вы делаете. Остановитесь – кричал Анатолий, пытаясь догнать быстро удаляющуюся машину. – Гады, я убью Вас, стойте. – На бегу, он потерял шлепанцы и бежал по пыльной, каменистой дороге двора, не замечая боли. Машина на полной скорости выехала из территории завода и умчалась по улице.

От отчаяния и бессилия что-либо сделать, чтобы остановить эту беду, Анатолий, вернувшись в свою комнату, долго еще кричал, что убьет всех, кто осмелится хоть пальцем дотронуться до Тани.

Он понимал, что ничего не в силах сделать и тем яростней выражал свои чувства криком.

Соседи по гостинице вышли из своих комнат и стали его расспрашивать и успокаивать.

- Да плюнь ты, что, девок что ли мало?

- Нет, вы не понимаете. Это же звери. Разве можно так с людьми обращаться? Я этого так не оставлю.

- Да успокойся. Что ты с ним сможешь сделать? Ты же ничего не докажешь. Да и будет ли что?

Татьяна, девица упрямая. Она, не эти подстилки. Успокойся.

- Я сейчас поеду на эту его хату.

- Да куда тебе не надо ездить. Во-первых, мы адреса не знаем. А во-вторых тебя сейчас же в метро схватят. У тебя же нет штампа в паспорте. Мы же здесь нелегалы. Кончай бузить. Завтра все узнаем.

На следующее утро в 8-00 Толя уже был в приемной. Тани не было. Она пришла только в 11 часов. Зашла к Толе и все ему рассказала. Геннадий Васильевич уговорил ее поехать, сказав что ему надоела сухомятка, что разболелась его язва желудка. Она не смогла отказаться. По дороге он приказал остановить машину и пошел с сыном за продуктами. Таня воспользовалась их отсутствием, сказала водителю, что выйдет размяться, а сама села в автобус и уехала. А сейчас пришла, чтобы написать заявление об увольнении.

- После этого мерзко мне здесь. Не хочу здесь больше сидеть, видеть этих гадких людей. До свидания , Толя.

Таня ушла спокойно и незаметно. После этого инцидента коллектив как-то затих. Никому не хотелось общаться, болтать.

Это уход особенно переживал Анатолий.

Но работа продолжалась. Производство требовало внимания, напряжения и усилий. Толя, освоив конструирование на компьютере, выпускал чертежи. Поступали новые задания и , казалось, все сгладилось. Таня из Самары стала звонить реже, но эта перемена в ее к нему отношении его не насторожила.

Из Самары часто звонила мама. Говорила, что волнуется о его самочувствии, ее волновала его житейская неустроенность. Приближалась осень. Надо было съездить домой, чтобы взять теплую одежду.

После инцидента с Татьяной, отношения с Генеральным директором ухудшились. Геннадий Васильевич стал к Анатолию более придирчив и требователен. Если прежде его ошибки не принимались во внимание и списывались за счет производства, то теперь его просчеты отражались на его зарплате, а отношение Геннадия Васильевича изменилось и стало сухим и деловым.

- Геннадий Васильевич, мне надо съездить домой.

- По маме соскучился?

- Да нет. Надо теплую одежду взять из дома.

- Ну что ж, причина уважительная. Съезди, но за свой счет. С финансами стало сложно. Два дня побудешь дома и назад. Здесь сейчас новые заказы поступили и тебе надо плотно поработать. Отцу привет передай.

В Самаре все было спокойно. Дома мама встречала его пирогами. Домашний уют, забота быстро восстановили его силы, успокоили нервы. Позвонила Таня. Договорились вечером встретиться у нее дома.

Таня. Почему она стала реже звонить? Может быть, тоже кого-то встретила? Ведь он же увлекся Москвичкой. Если бы не тот случай с Геннадием Васильевичем, может быть, все бы изменилось.

После душа и крепкого сна Толя чувствовал себя спокойным и сильным. К Тане он шел с цветами и бутылкой шампанского.

Таня встретила его тепло и ласково, как и прежде. Он обнял ее, прижал к себе, поцеловал.

- Дорогая, как я соскучился по тебе.

- Ну, проходи, раздевайся и иди к столу. У меня на кухне сюрприз подгорает.

В комнате был накрыт стол. Толя взял вазу. Цветы в вазе поставил на стол.

- Ну вот, все и готово. Садись.

- Нет, подожди. Дай на тебя полюбоваться. Я еще тебя в этом наряде не видел. Какой красивый костюм. И как он хорошо тебя украшает. Нет, ты у меня лучше всех. Это особенно ощущаешь после разлуки. Мне эта Москва опостылела. Да и Раковы эти. Лучше бы их не знать. Ну, ладно. Давай выпьем за тебя, что ты у меня есть, такая красивая.

- Не сглазь. Давай поцелуемся. Как давно ты меня не целовал. Вкусное шампанское.

- А где твой сюрприз?

- Не все же сразу. Потерпи. Налей еще. Как приятно в голове затуманилось. Ты расскажи, как ты там, в Столице время проводил.

- Да что рассказывать. Из гостиницы не выйдешь. Работа, да постель. Только и думаешь: скорее бы все закончилось. Вот ты мне расскажи о себе. Что-то ты стала реже звонить. Может быть кто-то мне дорожку перебежал?

- Шутник. Учеба все время отнимает. Ведь ученье – свет. Вначале учебы было полегче. Но сложности начались, и пришлось попотеть. Я ведь тоже работаю в режиме: институт, читалка, постель. Но без тебя.

- За тебя, моя сладкая. До чего же надоело видеть эти пьяные рожи. Вечером и по выходным одно и то же. Ты знаешь, я на тебя смотрю и думаю, что это сон.

- Нет, давай выпьем за тебя. Я могу только представить, что ты испытал. Я хочу пожелать тебе.... Помнишь, как в песне: «Если смерти, то мгновенной, если раны, небольшой». Это шутка, конечно. Давай пожелаем тебе, чтобы ты побыстрее вернулся.

- Да, это самое хорошее, что мне можно пожелать. Но здесь ведь платят гроши. Надо еще потерпеть. Сюрприз хочу.

- Сейчас, сейчас. Я, когда твоя мама мне позвонила, решила для тебя приготовить поросенка. Свиныю тебе подложить. Сейчас принесу. Ты здесь пока на столе место приготовь.

- Вот, любуйся и наслаждайся.

- Ну, дай, я тебя поцелую. Смотрится аппетитно. Тебе что отрезать? Давай, тебе шейку.

- Отрежь. Немножко только. Хватит, хватит. А то я в костюм не влезу. Вкусно?

- Прелесть. Особенно после столовой. Ты знаешь, нам на субботу и воскресенье дают в столовой еду навалом. Разогреваешь, и такая бурда получается. Голод не тетка. Мило, не мило, кушать надо. Я тебе еще налью? За мою милую кухарку.

- За хозяйку, ты хочешь сказать.

- Да, за любимую хозяйку.

- Кофе будешь?

- Нет, ты знаешь, пока хватит. Я бы хотел еще один сюрприз получить. Вернее приз за долготерпение и верность.

- Да?

Он встал, взял ее на руки и понес к дивану.

- Сладкая ты моя, любимая.

- Любимый. Подожди, я костюм сниму.

- Сними, а я полюбуюсь на тебя.

- Разденься, дурачок.

Они легли. Он жадно впился в ее губы. Прижал к себе ее послушное нежное тело.

- Не спеши, милый. Хорошо, ах, хорошо, еще, еще...

- Ты какой-то другой стал. Что-то случилось?

- Наверное, очень долго тебя ждал.

- Отдохни.

Он уснул. Ему снилась Таня, та, московская. Он с ней в постели, но входит Раков и уносит ее. Он бежит вслед и кричит; «Я убью, убью тебя».

- Проснись, Толя. Кого ты убить хочешь?

- А.....Фу. Я что-то совсем плохой стал. Какие-то кошмары снятся.

- С тобой что-то происходит, но ты не хочешь мне рассказать.

- Нет, правда, ничего. Так, какая-то чепуха приснилась. Буд-то тебя кто-то уносит, а я вслед бегу и кричу.

- Хороший ты мой. Спи. Нервы у тебя совсем расшатались. К врачу тебе надо.

- Да что ты говоришь. Мне уже через день возвращаться надо.

- Ты попей на ночь пустырник. Моя мама его часто принимает, когда нервничает.

- Ну, вот еще. Что я, старик какой?

- Спи.

Утром он проснулся с чувством досады. Тани уже не было в квартире. Он встал, позавтракал яичницей с поросенком, которую Таня оставила на газовой плите. Выпил бокал шампанского.

Дома тоже было пусто. Рабочий день.

Включил телевизор. Как-то пусто было на душе. Куда девалась та радость, которую он испытывал вчера? Ему даже захотелось обратно в Москву, к компьютеру.

Вечером с работы пришла мама.

- Ну, как Таня тебя встретила?

- Отлично. Даже поросенка зажарила.

- Вот видишь. Она хорошая девушка. Пригласи ее сегодня к нам вечером. Вместе поужинаем.

Пришел отец.

- Ну, молодец, здравствуй. Окреп и повзрослел. Как дела на работе?

- Нормально. Привет тебе от Геннадия Васильевича.

- Спасибо. Как платит-то, исправно?

- Да что-то зажимать стал.

- Да? Я с ним поговорю.

- Не надо, пап. Да я и сам виноват. За свои ошибки надо расплачиваться. Это ведь производство. Моя ошибка это загубленный металл.

- Надо быть повнимательнее. Знаешь, как говорят: лучше сделать медленно, но хорошо, чем сделать быстро, но плохо.

- Извини, пап, я Тане позвоню. Мама хочет ее на ужин пригласить.

- Позвони. Дело хорошее.

- Алло, Таня, здравствуй. Как у тебя дела? Нормально? Ты не сможешь к нам приехать? Мама ужин приготовила вкусный. Нет. Твой поросенок выше всех похвал. Приходи. Я тебя встречу на остановке. И конечно провожу до дома. Целую.

- Ну, вот, приглашение принято.

- Встретиться с невестой приятно. Она красивая девушка.

- И жена будет хорошая. Она вчера Толю жареным поросенком угощала.

- Значит любит. Ты бы, Анатолий, своими планами с нами, стариками, поделился.

- Ну, во-первых, Вы у меня еще не старики, а, во-вторых, планировать еще нечего. Я сижу в Москве и сколько просижу, не знаю. Чтобы взять жену, нужна жилплощадь, куда ее привести. Платят скудно. Жмот этот Раков.

- Ну, ты уж хочешь, чтобы он тебе сразу, как своему сыну, отвалил. Работай, старайся. Я как-нибудь с ним потолкую. Да у тебя и так оклад приличный. 6000 здесь за месяц не заработаешь. Жаловаться грех. Платит Раков тебе не плохо. Но я не знаю, что ты планируешь. Ведь мы с матерью тебе поможем. Да, мать?

- Конечно, конечно. Сколько сможем, конечно, поможем. Да что ты, отец, уперся. Сыну ведь завтра уже уезжать надо, а ты его заводишь.

- Как, уже завтра?



- Да, отпросился на два дня за теплыми вещами. Раков говорит, что много заказов.

- Много заказов – это хорошо. Может быть, прибавит тебе. Ну, да ладно, хватит об этом. Ты сам все сообразишь. Иди невесту встречай.

Анатолий ушел. Выйдя на улицу, он ощутил свободу. Стояла теплая погода уходящей осени. Солнце садилось. Желтеющие листья на деревьях были неподвижны.

Общение с родителями угнетало его. Чувства его были в каком-то смятении. Пройдя к остановке несколько кварталов, он немного успокоился. Впереди он увидел идущую навстречу Татьяну.

- Здравствуй, что ты такой хмурый?

Он поцеловал ее в щеку.

- Здравствуй. С родителями за жизнь поговорил. Любят они в душе покопаться.

- Они заботятся о тебе. Ты устал и все тебя раздражает.

- Какая ты у меня умница. Выходи за меня замуж.

- Вот тебе на. Ты знаешь, это как-то неожиданно. Потом здесь, на улице. Подумать надо. Может быть, цветы купим? Неудобно так с пустыми руками приходить к твоим родителям.

- Я сейчас сбегаяю на остановку.

- Нет, вместе пойдем. Я сама цветы люблю выбирать. Они должны мне нравиться.

Молча, прошли обратно к остановке. У цветочного киоска Таня долго рассматривала цветы.

- Покажите эти хризантемы. Семь штук, пожалуйста, и красиво оформите. Спасибо. Ну, вот теперь можно идти. Как провел день?

- Дома просидел. Как-то неуютно без работы. Ты знаешь, меня даже в Москву потянуло. Там дело, интересная, увлекательная работа.

- Смотри, в москвича не превратись. Москва, конечно, притягивает.

- Да нет, не в этом дело. Просто работа там, понимаешь?

- Искалечат тебя эти Раковы. Звони.

Анатолий пристально посмотрел на Таню.

- Ты что так смотришь? Звони.

Он нажал на кнопку звонка. Дверь открыл отец.

- А. Танечка, входите, входите. Ух, какие цветы. Мать, иди встречать гостью.

Подошла мама Толи.

- Танечка, здравствуйте. Спасибо за красивый букет. Толя, помоги Танечке раздеться. Идите руки помойте и за стол. Отец, доставай спиртное.

- Таня, иди, помой руки. Вот сюда.

Вошли в комнату. Посредине, под хрустальной люстрой стоял круглый стол, уставленный закусками. Посредине стола стояло большое блюдо с пирогами.

- Садитесь, садитесь – командовал отец.

- Какие красивые пироги.

- Пироги должны быть красивыми. Но за их вкусовые качества можете быть спокойны, Танечка. Наша мама по этой части большой мастер. Она это мастерство от своей матери переняла, царство ей небесное. Толя, предлагай подружке своей закуски. Ухаживай. Что Вам, Танечка, налить?

- Мне, пожалуйста, что-нибудь не очень крепкое, но вкусное.

- Могу предложить Мускат.

-Можно.

- Предлагаю тост за встречу.

- Погоди, отец, ты что-то заговорил всех. Может быть, у молодых есть свои тосты.

- Нет, почему, очень хороший тост. Я его поддерживаю. За встречу. Толя, ты что молчишь?

- Да, за встречу.

- Какое вкусное вино.

- Мускат, Крымский.

- Можно пирожок попробовать?

- Не можно, а нужно. Вы не спрашивайте, а кушайте все, что Вам приглянется. Анатолий, ты что захандрил? За подругой своей не ухаживаешь совсем.

- Да, что-то он заскучал. Сейчас признался мне, что тянет его в Москву.

- Татьяна, ну зачем ты так? Я же объяснил тебе, что не в Москву, а к работе тянет. Была бы здесь работа, и не нужна мне Москва.

- Да, с трудоустройством в городе плохо. Молодежи некуда приткнуться. Вы, Таня, пока учитесь, с этим еще не столкнулись.

- Вы не правы. Я и учусь и работаю. Я работаю лаборанткой в своем институте. Деньги маленькие, но со стипендией мне хватает.

- Давайте-ка еще выпьем, чтобы все у Вас устроилось. Анатолий, подлей Тане Мускат. Мать, тебе что налить? Водочки?

- Танечка, как Вам мои пироги? Если хотите, я Вам дам рецепт. Тут все просто. Главное, хорошая плита.

- Главное - золотые руки, забота и любовь к людям. Добрее и заботливее, чем наша мама, я людей не встречал. Все ради людей отдаст. Чисто русская натура.

- Как хорошо у Вас. Но пора уходить. Очень далеко мне добираться и завтра рано вставать.

- А кофе?

- На ночь я кофе не пью.

- Мать, не уговаривай. Раз человеку надо, значит надо уступить. Анатолий, ты проводишь Таню?

- Да, да, конечно.

- До свиданья. Спасибо Вам. Все очень вкусно. Спокойной ночи.

Они вышли на улицу. Горели фонари, мерцали на небе звезды.

- Прохладно.

Толя прижал ее к себе.

- Так теплее?

- Немножко.

Шли медленно.

- Хорошие у тебя родители. Добрые, приветливые. Мне у Вас понравилось.

- Ты звони маме почаще.

- Так ты завтра на поезд?

- Да, в 17-30.

Сели в автобус. Ехали молча.

У дома, Таня остановилась.

- Толя, ты возвращайся домой. Я вчера не выспалась, а завтра рано вставать. Я приду к поезду. Какой у тебя вагон?

- Седьмой.

- До свидания.

Он поцеловал ее в щеку.

- Спокойной ночи. Я тебя буду ждать.

Вернувшись, домой, он прошел в свою комнату. Хотелось побыть одному. «Почему Таня себя так повела? Ее что-то насторожило. Может быть слишком внимательное отношение отца? Он за меня старался. Совсем я одичал. Она права, мне надо отдохнуть».

В дверь постучала мама:

- Толя, ты будешь с нами чай пить?

- Да. Я сейчас приду.

Не хотелось выходить. Но он переборол себя. Все-таки последний вечер дома. В комнате стол был убран. Чай пили на кухне.

- Что же ты молчуном таким был? Что-то не похоже на тебя. И вообще ты как-то изменился. Мать, взрослеет у нас сын.

- Устал он. С дороги, не отдохнул и снова уезжает. Раковы становятся форменными эксплуататорами. Человек им совершенно безразличен.

- Видать, их тоже конкуренция поджигает.

- Да какая конкуренция. Жадность их заедает.

- Сынок, рассказал бы, что там у тебя за срочные дела.

- Компьютер мне дали. Учусь на нем конструировать. Заказов сейчас много поступает на магазины, палатки, контейнеры. Вот я их и вычерчиваю на мониторе, а затем распечатаваю на бумаге. В работе бывают и просчеты. Еще не все я освоил. Машина умная и надо ее хорошо знать, чтобы получить все, что она может.

- Это интересно. Я бы уже не смог его одолеть. Это для меня фантастика какая-то.

- Сложного, пап, здесь ничего нет. Есть программа. Выбираешь мышью нужные действия и даешь команду. Напряжения, конечно, больше. За день работы глаза устают. Но

захватывающая работа. Иногда по 2-3 раза приходится переделывать чертежи. На прошлой неделе я сдал чертежи и не заметил ошибку. А в цехе пошел брак. Мне, конечно, попало.

- Ты не спеши. Семь раз отмерь, а один раз отрежь. Мудрые слова.

- Да торопят: «Давай, давай скорей».

- Но отвечать-то тебе. Поэтому торопись медленно. Пусть торопят. А ты пока не убедишься, что все, верно, не отдавай чертежи в цех. Быстро и хорошо не бывает. Запомни это.

- Заболтались Вы что-то мужички. Идите в комнату. Я убираться буду.

- Пойдем, сын, у телевизора договорим.

- Нет, пап, я к себе пойду.

- Ну, иди. Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, пап.

Анатолий долго не мог уснуть. Беспокойно было на душе. Он был недоволен собой. Надо было этот вечер провести с Таней. Успокоить ее. Он не мог объяснить своего стесненного состояния за столом в присутствии Тани. «Глупо, глупо как все»- повторял он мысленно.

Уснул он далеко за полночь. И опять ему снилась Таня. Она шла ему навстречу и говорила: «Ты еще не убил его?» Он бежит, поднимается на седьмой этаж, входит в квартиру Тани, навстречу ему идет Раков. Анатолий тащит его на балкон, и они вместе летят вниз. Анатолий проснулся.

Лежа в постели, он обдумывал предстоящий день. Надо сходить на завод и передать о своем выезде в Москву.

В дверь его комнаты постучали.

- Ты не спишь, Толечка? – вошла мама. – Дорогой, я уйду на работу. Приду к обеду, чтобы покормить и проводить тебя на поезд. Папа подъедет с работы к поезду.

- Хорошо, мама. Я к обеду буду дома. Только на завод съезжу и к обеду как раз приеду. Надо сказать, что выезжаю в Москву.

- Ну, я пошла. – Она поцеловала сына и ушла.

Анатолий встал, принял душ. На кухне позавтракал, помыл посуду. На улицу он вышел в десятом часу. Был солнечный осенний день. Город жил своей повседневной жизнью. По улице шли озабоченные люди, сновали легковые и грузовые машины. Хорошо, когда некуда спешить. Анатолий несколько остановок прошел пешком. Прошел мимо своей школы, мимо дома Тани.

На заводе он прошел к секретарю Главного инженера и попросил ее передать в Москву, что в 17-30 он выезжает. Заглянул в цех. Там шла напряженная, ритмичная работа – шло серийное изготовление мини-гаражей серии «Самара». Зашел в конструкторское бюро. В большом зале сидели два конструктора. Удручающий вид.

Он подошел к Павлу Строгову, с которым вместе пришли на завод из института.

- А, Анатолий, здравствуй. Вот, без работы сидим. А как там в Москве?

- Здравствуй, Паша. Да тоже работы не густо. Торговые палатки черчу. Мне сейчас компьютер дали. Черчу на нем.

- Это интересно. А как платят?

- С командировочными три-четыре тысячи в месяц получается.

Ну, это здорово. У нас здесь и полторы не натягивают. Как пенсионерам 1200-1300 выписывают. Домой стыдно приносить эти гроши. Ребята в цех ушли слесарями-сборщиками.

С завода Анатолий возвращался опечаленным. «Заколдованный круг какой-то – думал он. – Неужели конструкторской специальности нет места? Столько нерешенных проблем. С запада идет прекрасная бытовая техника, кухонные комбайны, стиральные автоматы. А здесь, в России, конструкторам делать нечего, кроме палаток. Неужели надо менять профессию? Зачем столько учился, изучал теорию машиностроения? Чтобы теперь идти слесарем?»

Когда он вернулся домой, мама уже хлопотала на кухне. Вкусно пахло жареным луком и мясом.

- Пришел, сынок? Иди мой руки и обедать будем.

В комнате был накрыт стол. На столе помимо всяких закусок стояла бутылка водки «Гжелка».

- Ты рюмочку выпьешь?

- Можно.

- Сейчас уже два. Пообедаем и будем собираться.

Анатолий открыл бутылку. Налил рюмку себе и маме.

- Ты бы, сынок, закусил сначала. Сделай себе бутерброд с маслицем и сырком. Спешить нам некуда. Ты какой-то расстроенный. Не хочешь уезжать?

- Был у себя в конструкторском. Помнишь Пашу Строгова?

- Конечно, помню. Рыженький такой, кудрявый.

- От его кудрей одни воспоминания остались.

- Польша?!

- Кудри поредели и потемнели. Но не это главное. Жалуются, что мало платят. Представляешь? 1300 в месяц. А у него семья и дочке уже семь лет. Говорит, что все наши ребята в цех ушли сборщиками. Надо было пять лет в институте париться? Ну, давай выпьем.

- За твой отъезд.

- За приезд и отъезд.

- Я вот думаю, куда мне податься? Не буду же я в Москве работать вечно. Ну, год еще протяну, пока Татьяна в институте учится. А потом ведь домой надо возвращаться. А куда? На 1300 рублей?

- Не спеши. Через год многое изменится.

Пообедали.

Мама достала теплые вещи Анатолия.

- Ты укладывайся, а я на кухне приберусь.

Анатолий достал большой чемодан и начал укладывать в него теплую куртку, два свитера, лыжный костюм.

Пришла мама.

- Mam, зачем мне столько одежды? Куртку я на себя одену, один свитер тоже одену, а лыжный костюм мне не нужен совсем.

- Может быть, на лыжах покатаешься?

- Да что ты, мам, когда там?

- Действительно, наверное, ты прав. В декабре ведь у тебя день рождения. Два месяца осталось. Ты обязательно приезжай. Юбилей ведь. 25 лет тебе уже будет. Как бежит время.

- Я не буду этот «сундук» брать. Все в сумку уместится. Рубашки, носки, шапочка, перчатки.

- Ты смотри сам. Может быть, полежишь перед дорогой?

- В поезде належусь. Я хочу что-нибудь из новых кассет посмотреть.

- Ну, посмотри. А я прилягу. Устала что-то.

На перрон вокзала они приехали к пяти часам. Поезд уже был подан, и пассажиры входили в вагоны. Анатолий с мамой прошли в вагон №17 и сели на скамейку в купе, где находилось

место Анатолия. Скоро подошел отец. Они увидели его в окно и мама замахала ему рукой. Он вошел в вагон.

- Ну, вот, все в сборе. Боялся опоздать. Как всегда. Только уходить собрался, как в цехе неприятности.

- Да ладно тебе про неприятности. Тани что-то нет. Обещала ведь прийти. Да вот она идет.

- Я выйду, встречу ее.

- Иди, иди сынок.

Анатолий вышел на перрон.

- Здравствуй, - сказала Таня, и протянула ему целлофановый пакет.

- Вот, это тебе на дорогу.

- Да зачем ты. Мама мне всякой еды целую сумку наложила. Мне за неделю не съесть.

- Ничего. Приедешь, положишь в холодильник. Будешь есть и нас вспоминать.

- Ну, спасибо. Ты простила меня?

- Но ты, ни в чем не виноват. Мы отвыкли друг от друга. Наше расставание не на пользу нашим чувствам. Я не знаю твоих планов. Но может быть, у тебя их и нет. Все-таки годы идут и надо много знать наперед.

- Ты учись, заканчивай институт.

- Что ты меня, как ребенка уговариваешь. Тебе надо быть посамостоятельнее.

- Успокойся. Пойдем в вагон.

- Нет, в вагон я не пойду. Давай здесь попрощаемся, да я пойду.

- Но в вагоне родители нас ждут.

- Я же не с ними прощаться пришла. Скажи им, что я спешила. До свиданья. Будь спокоен и счастлив. Звони мне.

Она поцеловала его в щеку. Он попытался обнять и задержать ее. Но она шагнула от него.

- Прощай, счастливого пути. – Она повернулась и быстро пошла по перрону к выходу в город.

Анатолий с целлофановым пакетом вернулся в купе.

- Почему она не зашла в вагон? Ты чем-то обидел ее? – встревожено спросила мама.



- Нет. Она заспешила в город по каким-то своим делам.

- Но ты с ней простился? – спокойно спросил отец.

- Да. Вот она мне что-то из еды передала.

По радиотрансляции вагона сообщили, что до отправления поезда осталось пять минут.

- Пошли, мать, к выходу.

Мама и папа в сопровождении Анатолия вышли на платформу.

- Сынок, потеплее одевайся и не перегружай себя работой. Отдыхай, читай побольше.

- До свиданья, Анатолий. Будь внимателен в работе, не расслабляйся.

Родители расцеловали сына. Он вошел в тамбур вагона. Поезд плавно тронулся и стал быстро набирать скорость. Родители стояли на платформе и махали руками сыну. А Анатолий, стоял в тамбуре, посылал им воздушные поцелуи.

В Москву поезд прибыл рани утром. Анатолий, увешанный сумками и целлофановыми пакетами, приехал на завод в 9 часов утра. Разместившись в своем номере, он направился к техническому директору Комарову.

- Здравствуйте, Георгий Федорович – постучав в дверь и войдя в кабинет, сказал Анатолий.

- Бракодел. Ты знаешь, что по твоей вине завод два дня твою галиматью исправлял? Сколько металла загубили. Бегом в цех.

Такой прием Анатолия обескуражил. Он, молча, вышел из кабинета и направился в цех.

Войдя в цех, он сразу окунулся в шумную стихию производства: звенел и гремел колесами кран, свистели болгарки, шипела сварка, гремели удары кувалды, жужжали и визжали точильные камни, возводившие новенькие, блестящие палатки и ларьки.

- А, приехал, - встретил его недоброжелательно мастер Сергей Петрович, Ты, знаешь ли, повнимательней работай. Тут мы нарезали заготовок по твоим размерам, металла полторы тонны извели, а собирать стали, так все наперекосяк. Сейчас вот исправляем, довариваем, подрезаем. Ну, в общем мудохаемся.

Анатолий взял чертежи, разложил их на верстаке, но в этом шуме и дыму он ничего не мог разобрать, к тому же тусклый свет не давал рассмотреть засаленные, грязные чертежи.

- Я пойду к себе разберусь.

- Да уж разберись – ответил ему мастер.

Проходя мимо рабочих, он кивнул им головой в знак приветствия, видел их насмешливые взгляды, и настроение его окончательно испортилось.

- «Ну, вот начались трудовые будни, чтоб им пропасть» - думал Анатолий. Выйдя на улицу, он вдохнул свежий воздух, и отдышался от этого производственного смрада. Раньше он как-то не замечал всех этих «прелестей» завода. Работал и в цехе. Но сейчас он ощутил отвращение к этой работе, к людям, снующим в сумраке цеха. Захотелось бросить все и бежать обратно в Самару, на Волгу, к Тане, к отцу, к матери. «К черту эти деньги, эту гнусность!» Но ноги несли его к его рабочему столу. Да и куда бежать? Денег нет. Дома засмеют. Скажут: «За длинным рублем погнался, да догнал Слабак». Нет, надо находить выход, исправлять свои ляпы. Да и как это получилось? Почему такие ошибки? Он сел за свой стол, достал задание и свои расчеты и начал проверять свои прорисовки. Просидев за расчетами часа три, он, наконец, нашел причину этих недоразумений. Конечно, перед отъездом в Самару он допустил поспешность. «Поспесишь –людей насмешишь», а тут ввел всех в ярость. «Дубина»- ругал он сам себя. «И какой же я дуб. На чертеже дал наклон крыши, а в размерах его не указал. И от этого и раскосы и стойки даны короче. Идиот, какой же я идиот». Собрав чертежи, он пошел к Комарову. По его расчетам тот должен был к этому времени опохмелиться, пропустив пару рюмок водки и подобрев.

- Разобрался, бракодел? Ну, ладно, иди сюда, садись. Рассказывай, как там, в Самаре. Технический директор был совсем другой – подобревший и рубаха-парень. От него приятно пахло дорогим коньяком.

- Стоит Самара. Заходил я на завод. Без работы ребята сидят.

- Вот видишь. Конструктора сейчас не в почете. Это здесь, в Москве завал работы по нашему профилю. Сейчас же здесь торговый бум. Палаточные городки растут как грибы. Кавказцев понаехало полным-полно и каждый с мешком денег. Они ведь все торгаши. Работать не хотят, а вот в палатках сидеть, да москвичей дурить с превеликим удовольствием. Москва при настоящих правителях скоро второй Меккой станет. И нам с тобой здесь тоже свой куш сорвать надо. Так что работай, пока, крути педали. А о своих промахах директору докладывать будешь. Он сегодня будет на заводе, так что будь на месте. Иди, работай. Чтобы все вопросы снять. Если с Раковым осложнений не будет, то получишь задание на новую работу. Работы много.

Анатолий пошел в цех.

Выйдя на улицу, он увидел у входа в административное здание милицейскую машину. «Ну, все схвачено, подумал он. Милицейское начальство приехало свою долю получать из рук хозяина».

После обеда на предприятии проявилось оживление среди женского персонала. По коридору застучали каблучки, в воздухе запахло духами. Приезд Генерального директора всегда обставлялся торжественно и пышно. Хозяин это любил. Удачный прием сказывался на премиях и персональных подачах. В его кабинете устраивался прием с богато накрытым столом, к которому приглашались особо приближенные и важные и нужные гости. Торговля

гаражами-пеналами «Самара» представляла собой весьма доходный, но сложный процесс, в который были втянуты и криминал и местные и городские власти, и милиция, и налоговая служба и многие, многие другие службы и всех нужно было оплачивать и держать на коротком поводке. Даже организация незаконной аренды государственного предприятия - военно-промышленного комплекса, который впоследствии был за короткое время разграблен, а уникальное металлообрабатывающее оборудование, списанное как металлолом вывезено в Самару того стоила. И Генеральный директор не жалел деньги и устраивал приемы с размахом.

В 15 часов прибыл Геннадий Васильевич. В его кабинет были приглашены все руководители подразделений. Анатолий сидел в своей комнате в нервном напряжении. Он пытался включить компьютер и поиграть в любимую головоломную игру в шахматы, но игра не клеилась, внимание было рассеянное, и он выключил аппаратуру. Вскоре к нему зашел Комаров.

- Пойдем. Объясняться будешь.

В кабинете Генерального стояла напряженная тишина. Сидевшие за столом руководители смотрели на вошедшего конструктора. Анатолий подошел к торцу стола, и встал напротив Ракова.

- Садись Иванов. – сказал Генеральный директор. - Расскажи, как получилось, что по твоей вине мы сорвали сроки поставки изделий и были оштрафованы на 20 тысяч рублей за нарушение договорных обязательств?

- Не досмотрел, Геннадий Васильевич. Виноват.

- В том, что ты виновен здесь никто не сомневается. Ошибка конструктора обходится дорого, но прежде всего самому конструктору! Генеральный директор яростно стукнул кулаком по столу. Казалось, он вложил в эту ярость весь свой гнев на этого в молодого красавчика. Он покажет ему место, где ему надлежит быть.

- Комаров, Людмила Михайловна, я приказываю вычесть из зарплаты конструктора Иванова убытки предприятия.

- Геннадий Васильевич, может быть, Вы простите его на первый раз. Он ведь молодой специалист. – заступился за Анатолия Комаров.

- Он молодой, да ранний! И разгильдяй порядочный! Он что Вам, сват, брат, что заступаете за него? Пусть впредь знает, во что обходятся его промахи. Это работа, а не детские игры! Вы свободны, Иванов.

Анатолий вышел из кабинета блее мела. Голова кружилась.

- Вам плохо, Анатолий Николаевич? – подбежала к нему секретарь Генерального директора.

- Ничего, понервничал. Пройдет.

Он пошел к себе в комнату. Коридор был длинный. Ему не хотелось никого встречать на своем пути, но все эти диспетчеры, расчетчицы бухгалтерии, снабженцы сновали по коридору с тарелками, мисками, чайниками, подносами. «Сколько же он набрал этих подстилок, цельный гарем», - думал Анатолий. Они теперь съедят меня своими сплетнями и пересудами. И меня ведь не уволят, пока я с ними не рассчитаюсь».

Войдя в свою комнату, он запер за собой дверь и шлепнулся на стул. «Ну, попал в лапы зверю. Теперь он меня в порошок сотрет. Права была Татьяна. И зачем я, дурак, ее не послушался? Ну и пусть 1300рублей, зато дома. А теперь что будет? Надо позвонить домой. Он набрал по телефону код Самары и позвонил домой. Дома никто трубку не брал. «Так ведь они на работе». Он набрал номер телефона Тани. Там тоже никто не отвечал. Анатолий спустился в гостиницу и заперся в своей комнате. Он лег на кровать и попытался заснуть, но мысли одолевали его и сон не шел. Перед его глазами проходили события сегодняшнего дня, лица рабочих, сотрудников: осуждающие, сожалеющие, насмешливые.

В дверь постучали.

- Кто там? - спросил Анатолий.

- Открой Толик, это я, Виктор.

Анатолий встал нехотя с постели и открыл дверь. В дверях стоял Виктор Карпов, сварщик. Они были знакомы еще в Самаре.

- Здорово, земляк. Ты что заперся? Решил поспать? Тебя мастер зовет, говорит, что надо чертежи панелей исправлять. Да ты не расстраивайся. Чего не бывает. Нам, конечно, пришлось повкалывать. Последние дни до 11 работали. Но сейчас, вроде, поспокойнее стало.

- А мне сейчас сказали, что сорвали поставку?

- Я этого не знаю. Мое дело варить. Премию нам заплатили. А что там кто сорвал – мне до фени. Нам главное, бабки сорвать и домой рвануть, правда? Ну, приходи.

Виктор ушел.

Приход Виктора вывел Анатолия из состояния оцепенения. Им вдруг овладело сомнение и отчаяние полного бесправия и бессилия что-либо исправить. Ведь он должен проглотить любую ложь. Его могут обвинить во всех грехах и доказать обратное он не сможет.

Он оделся и поплелся в цех. Сергей Петрович сидел в своей конторке. Перед ним на столе лежали чертежи облицовочных панелей.

- Ты, дружок, давай подсаживайся и исправляй мне размеры, а то нарежем эти панели и тебя, совсем, вгонят в землю. Ты знаешь, сколько стоят эти сэндвичи? Ты расслабился что-то совсем. Раму исправил, так и все править надо. Давай, давай трудись. К мамке-то, конечно,

хорошо съездить, но работа требует собранности. Думать надо, все время надо думать. Не женился еще?

- Нет.

- Есть в Самаре невеста-то?

- Есть.

- Тебе сколько стукнет?

- В декабре 25.

- Домой поедешь или здесь юбилей отмечать будешь?

- Буду просить, чтобы отпустили.

- Ну, ладно, работай.

Сергей Петрович вышел из конторки. Анатолий сравнивал размеры рамы и панелей, исправлял их. Время за работой бежало быстро. Когда он вышел из цеха, было уже темно.

В гостинице было шумно. Рабочие большую комнату гостиницы использовали как общую кухню и столовую. На столе уже стояли бутылки водки, разные закуски, преимущественно консервы и колбаса.

- А, Толик, не проходите мимо. Давай присаживайся. Приезд твой отметим. – игриво пригласил его Виктор. – Мужики, это мой самарский кореш, Толя.

- Спасибо, Виктор. Ты знаешь, у меня что-то голова болит. С дороги, наверное. Я лягу, отдохну.

- Успеешь еще, выпишься. Не обижай компанию. У Толика сегодня ЧП.

- Это у нас вторую неделю ЧП, а у него ПЧ. Первое чаропитие в нашей компании. Давай, давай не жеманничай. Садись. Меня Сергей зовут.

- Да знает от всех. Просто отбилась от стада. Наливай мужики. Кушать подано.

Отказываться было невозможно. Если до этого приезда Анатолий старался не касаться этих вечерних «чаропитий», как здесь называли такие застолья, то после последнего аврала, виновником которого был он сам, отказаться означало нажать себе этим оскорбление врагов. Анатолий сел к столу. Ему поставили граненый стакан, наполовину заполненный водкой.

- По первой, но не по последней. Чтоб у всех все было хорошо.

- Сейчас будет.

Все дружно стали чокаяться стаканами.

- Ты, Толик, не горюй. Держись за нас. Рабочий класс тебя не подведет – говорил ему сидевший рядом Виктор, - Я слышал твою историю с Раковым. И скажу тебе, что ты был не прав. Вот сейчас он еще одну телку взял и трахает ее по всем правилам. Он же деньги лопатой гребет. Говорят, даже самолет хочет купить.

Анатолий захмелел сразу после первого тоста. Сказалась усталость от вагонной тряски, дневные переживания. Да и проголодался он основательно. Так как горячее он ел только дома.

- Ты прав, конечно, Виктор. Спорить с начальством накладно. Ты представляешь? Раков меня заставляет заплатить двадцать тысяч рублей за то, что завод сорвал срок поставки этих палаток. Этим кавказцам палатки нужны, как прошлогодний снег. К тому же Комаров оценил их по цене металла. Ты представляешь? Я думаю, он себе в карман положил всю стоимость Вашей и моей работы. А это порядка двадцать – тридцати тысяч рублей.

- Ну, и скажи об этом Ракову.

- А ты думаешь, он об этом не знает? Я уверен, что знает. Вот и заставляет меня эту недостачу покрыть. Тут же все схвачено. Ты, Виктор, не говори никому, что я тебе сказал. У нас же стукачей полно. Сразу доложат Комарову. А мне тогда и здесь и в Самаре на заводе работать не дадут.

- Я не скажу, не волнуйся. Давай рванем по стопке за тебя. Чтоб у тебя все уладилось.

Выпили. Анатолий откинулся на спинку стула. Компания гудела. Все что-то говорили, возникали споры. Кто-то пытался запеть.

В голове Анатолия шумело, по телу разлилась слабость.

- Виктор, я пойду к себе в комнату прилягу.

- Да, иди. Здесь еще долго гудеть будут.

Анатолий встал и пошел к выходу из комнаты.

- Подожди, Иванов. Ты что, компанию обидеть хочешь? – попытался остановить его Сергей.

- Мужики, пусть идет. Он работник умственного труда, да к тому же с дороги человек. А то напашет опять, а нам горбаться. – заступился за Анатолия Виктор.

Этот довод всех убедил. Компания вычеркнула из своего состава Анатолия Иванова и застолье продолжилось.

Анатолий пришел в свою комнату, разделся и рухнул на постель.

Утром его разбудил шум шаркающих ног, хлопанье дверей, разговоры – обычные звуки гостиницы, населенной рабочим людом. Начались трудовые будни завода.

Анатолий встал, заправил постель, кипятильником вскипятил воду и заварил растворимый кофе. Из припасов он достал пирожки Татьяны. Как ему сейчас не хватало ее. За время работы в Москве он пережил и ее утрату, увлекшись московской Татьяной и мечтой остаться в Москве, и новым ощущениям одиночества и полной незащищенности. Он почувствовал состояние растерянности, он живо почувствовал, что теряет свою Таню. Лихорадочно перебирая в памяти слова, сказанные ею, ее глаза, движения, выражение лица, он все более и более утверждался в своем сознании, что его поступки здесь, в Москве, стали известны его Тане и отдалили его от нее. Его мнительность усугубляла все, что произошло и с ним и с его Таней. «Нет, я не хочу, я не могу ее потерять. Она нужна мне, чтобы жить, чтобы.....»

- Иванов, как ты себя чувствуешь? Я смотрю, затих ты в комнате, - в дверях стоял Сергей Петрович, - Идем. Комаров сегодня совсем плохой. Рычит на всех. Видать ему тоже вчера хвост накрутили. Приехала заказчики. Догоняй.

- Здравствуйте, Сергей Петрович. Иду.

Анатолий быстро накинул на плечи пальто, вязаную шапку на голову и вышел за мастером. На улице было холодно, моросил промозглый дождь. Вошли в цех. У каркаса палатки стояли Раков, Комаров и Ахмет – заказчик.

- Долго спишь, Анатолий Николаевич. Цех в 8 начинает работать и тебе надо в цехе в 8 часов быть.

- Здравствуйте, Геннадий Васильевич. Замешкался. Обещаю впредь этого не повторять.

- Ахмет, вот тебе конструктор. Решай с ним свои проблемы. Идемте, Георгий Федорович. Они без нас разберутся.

- Иванов, когда освободишься, зайдешь ко мне, - следуя за Генеральным директором, сказал Комаров.

- Здравствуй, Анатолий. – Ахмет энергично пожал руку Иванову. – Как съездил?

- Нормально. Говорят, предприятие Вам срок поставки сорвало.

- Ты же знаешь, я мелкая сошка. Наш босс сюда приезжал. Что-то с Раковым они говорили, но я не присутствовал. Аренда, варенда – это не мои дела. Мне с тобой надо по конструкции поговорить. Первую партию 15 палаток мы оставляем как есть. Следующую партию 15 палаток двери надо переставить на лицевую сторону.

- это Комаров должен решать. Здесь надо переделывать почти все чертежи. Я не знаю на какое количество палаток нарезали заготовки.

- Причем здесь заготовки. Мы же 15 штук не меняем.

- Идем к мастеру.

Анатолий направился к конторке, где Сергей Петрович сидел в окружении рабочих.

- Можно к Вам, Сергей Петрович?

- Входи, входи. Что у тебя?

- Вот заказчик просит следующие 15 палаток существенно переделать, - начал Анатолий

- Зачем говоришь: «существенно»? Только дверь прошу поставить с лицевой стороны.

- Вот, видите, как просто: «только дверь поставить с лицевой стороны». А то, что при этом меняется конструкция и надо по-новому компоновать и заднюю и переднюю стенку, так это ничего не значит. Сергей Петрович, скажите, пожалуйста, на какое количество палаток нарублены уголки?

- Да почти на все 30 штук.

- Я вас прошу, Сергей Петрович, остановите пока изготовление заготовок. Мне надо об этой просьбе доложить Комарову.

- Так он знает, - махнул рукой Ахмет.

- Он-то, может быть, и знает, но о доработке я должен от него получить распоряжение, - с этими словами, сказанными с раздражением, Анатолий вышел из конторки мастера и направился в кабинет технического директора. Ахмет последовал за ним.

В кабинете технического директора сидел незнакомый Анатолию мужчина кавказской национальности. На рабочем столе Комарова стояли пустые рюмки, гость и хозяин кабинета пили из маленьких фарфоровых чашек кофе.

- Подожди, Анатолий. Я занят с заказчиком. Подожди у себя в комнате. Я тебя позову, – доброжелательно и спокойно сказал Георгий Федорович.

Выйдя из кабинета, Анатолий, пригласив Ахмета, пошел в свою комнату.

- Садись, - сказал Анатолий, указав Ахмету на стоявший рядом с его рабочим столом стул, - Вот посмотри по чертежам, что меняется, если переставлять двери.

Он положил перед Ахметом чертежи.

- Слушай, я в этих палках-скалках ничего не понимаю. Ты объясни мне, если хочешь. Мне это вообще не нужно. Мне палатки нужны. Ты понял? Мы бабки заплатили, предоплату сделали и



ждем уже третий месяц эту ерунду. Знали бы, что вы так тянуть будете, у других бы заказали. Мы ведь за аренду платим долларами, а Вы Му-му тянете.

- Не шуми, Ахмет. Вот смотри: вот задняя стенка. Чтобы здесь поставить дверь, надо вот так дать стойки, дать раму для двери, понимаешь? А металл весь уже порезан, ну, короче, пусть Комаров решает.

Позвонил телефон. Анатолий взял трубку.

- Да, слушаю.

- Иванов, заходи и Ахмета захвати.

- Пошли, Ахмет, а Комарову.

Подойдя к двери технического директора, Анатолий постучал и приоткрыв дверь, спросил –  
- - -Можно, Георгий Федорович?

- Входите, входите. Садитесь. Так что у Вас?

- Георгий Федорович, вот Ахмет просит входную дверь палатки поставить на заднюю стенку. Я спросил у Сергея Петровича, все ли заготовки нарезаны, он сказал, что почти все. Я попросил его пока нарезку заготовок приостановить.

- Скажи, Ахмет, что, дверь обязательно надо переставлять?

- Обязательно. Если бы Вы отдали нам палатки в срок, так мы бы их установили и место было бы занято, а так наши соседи подсуетились, взяли в аренду соседний участок и поставили свои палатки вплотную к нашей территории. У нас уже план утвержден, и двигать ничего нельзя, поэтому двери надо ставить только впереди.

- Да, Анатолий, придется палатки дорабатывать. Иди, прочерти, подготовь чертежи на доработку. Доложим Ракову и будем доделывать эту работу. Сколько сейчас палаток изготовлено?

- Рамы сварены на 15 палаток. Приступили к их облицовке.

- Ладно, иди. Прочертишь, позвони.

Анатолий встал и вышел из кабинета. Придя в свою комнату, он включил компьютер и, найдя нужную страницу, стал вырисовывать дверь. Работа шла быстро. После построения рамы под дверь, Анатолий замерил стойки. Он уже в который раз проделывал эти операции и сейчас делал их машинально. «Только не ошибиться бы» - думал Анатолий – «До чего тупая и однообразная работа. За доской куда лучше сидеть».

Закончив прорисовку и определив размеры на мониторе, он еще раз проверил все на бумаге для верности. Получилось, что дополнительно, на каждую палатку надо было установить две

стойки, два раскоса и перемычку, т.е. 12 кг уголков. Это вело к удорожанию палатки на 500-600 рублей. Анатолий позвонил Комарову. Телефон не отвечал. Он посмотрел на часы. Было уже 20 минут первого. Уже 20 минут идет обеденный перерыв. «Вот заработался, и счет времени потерял», - подумал Анатолий. Он запер комнату и пошел в столовую. В столовом зале было пусто и холодно. В огромном зале, рассчитанном на полторы тысячи сотрудников, сейчас питалось 20 работников и 15 административных работника. Рабочие предпочитали обедать в гостинице из экономии. Работники кухни находились на нелегальном положении, и продукты покупали на рынке. Поэтому блюда были вкусными, но дорогими.

В зале за столом для дирекции, накрытом скатертью, сидели Комаров, Геннадий Васильевич и его сын Виктор. Им подавала блюда повариха тетя Клава. Анатолий подошел к стойке кухни, взял поднос и поставил на него салат из помидор.

- Что будете брать на первое? Есть грибной суп и харчо. – спросила его тетя Клава.

- Налейте грибной суп.

- На второе только лангет с жареным картофелем.

- Согласен. И компот налейте. Сколько с меня?

- Хлеб будете брать?

- Да, два ломтика дайте.

- Тогда сорок два рубля тридцать копеек.

Рассчитавшись с кассиром, Анатолий с подносом в руках подошел к ближайшему железному столу советских времен, на котором стояла пластмассовая баночка из-под сметаны с солью, и сел на такой же железный стул. В это время компания руководителей закончила свой обед и двинулась к выходу.

- Иванов, просчитал новый вариант палатки? – сказал останавливаясь около него Комаров.

- Просчитал, Сергей Федорович.

- Пообедаешь, зайди ко мне.

- Хорошо.

Анатолий первый раз за два дня ел вкусно приготовленную горячую пищу и испытывал блаженство. Обстановка, правда, была казенная, не домашняя, но все было очень вкусно, особенно лангет с жареным картофелем. «Но питаться так каждый день накладно. Надо брать сухой паек и переходить на сухомятку» - говорил себе Анатолий. Рабочие, не имея возможности выходить с территории завода, получали, как они называли, «сухой паек». На самом же деле они покупали продукты в столовой, оплачивая надбавку за обслуживание. Это было выгодно и Ракову и работникам столовой.

Анатолий закончил свой обед, собрал посуду на поднос и отнес его к окну мойки.

Зайдя в свою комнату, он взял чертеж доработанной палатки, расчеты по стоимости дополнительного материала и направился к техническому директору.

Комаров сидел, откинувшись, в своем удобном фирменном кресле и курил ароматную сигарету.

- Ну, что получилось с новой компоновкой?

- Нужно дополнительно вводить стойки, усиливать их раскосами. Это по моим расчетам нужно дополнительно 12 кг уголков, что сделает палатку на 600 рублей дороже.

- Хреново, дорогой. Видишь, как они поворачивают. Вина наша и доплачивать нам придется. Пойдем к Генеральному. Доложим ему эти твои новые данные.

Комаров снял трубку прямого телефона к Генеральному директору.

- Геннадий Васильевич, мы зайдем к Вам с Ивановым. Он внес изменения по просьбе заказчика, и получились некоторые изменения в количестве металла и стоимости. Хорошо.

- Ты, Анатолий, иди к себе. Шеф сейчас занят с главным бухгалтером. Я тебя позову, когда он даст добро.

Анатолий, предчувствуя недоброе, отправился к себе в комнату. Найдя в записной книжке телефон Тани москвички, он набрал номер.

- Алло, Таня? Здравствуй. Как у тебя дела? Ты устроилась на работу? Это Анатолий. Из «Самарской луки». Как? Больше не звонить? Извини, Татьяна. Я желаю тебе всего хорошего. – Анатолий медленно положил трубку. «Сволочи. Что же они творят? Все топчут безжалостно. Капиталисты хреновы. Кто же их остановит?»

Зазвонил телефон. Анатолий снял трубку.

- Алло. Вам кого?

- Иванов, это Геннадий Васильевич. Зайди ко мне.

В кабинете кроме хозяина сидели Комаров, Главный бухгалтер Тамара Львовна и начальник отдела кадров Скворцов Владимир Ильич.

- Анатолий Николаевич, я подписал приказ об удержании с Вас ущерба, нанесенного предприятию в результате допущенных Вами ошибок. Ознакомьтесь, пожалуйста, и распишитесь – медленно проговорил Генеральный директор, глядя в упор на Анатолия. Этот твердый и немного насмешливый взгляд пробуждал у Анатолия ненависть к этому самоуверенному человеку.

Анатолий взял со стола Приказ, напечатанный на фирменном бланке предприятия, и прочитал следующее:

Приказ № 79

В результате ошибки, допущенной конструктором Ивановым А.Н. при проектировании изделия, выполняемого предприятием в соответствии с Договором №124, цехом предприятия был сорван срок поставки указанного изделия Заказчику.

Приказываю:

1. За проявленную халатность при выполнении своих обязанностей объявить конструктору Иванову А.Н. выговор.
2. Удержать из заработка Иванова А.Н. сумму штрафа, наложенного Заказчиком на предприятие за несвоевременную поставку изделия в сумме тысяч рублей, для чего удерживать из ежемесячного заработка Иванова А.Н. сумму в размере 2000 (двух тысяч) рублей.
3. С приказом ознакомить сотрудников предприятия.

Под приказом стояла подпись Генерального директора.

- Прочел Приказ? – так же медленно спросил Раков.

- Прочел – тихо ответил Анатолий.

- Надо расписаться на Приказе – по-деловому решительно сказал начальник отдела кадров.

Анатолий расписался ниже подписи Генерального директора.

- И дату поставь – сказал Георгий Федорович.

- Тамара Львовна Владимир Ильич, Вы можете идти. Георгий Федорович, чем Вы еще хотели меня обрадовать?

- Геннадий Васильевич, Заказчик попросил внести изменения в конструкцию палатки, вызванное опять-таки нашей задержкой в изготовлении палаток. Это связано с их конкурентами по аренде. Изменение заключается в переносе двери с задней стенки на переднюю. Анатолий прочертил новую конструкцию палатки и у него, получается, по расчетам увеличение количества материала на сумму 600 рублей. Я правильно говорю, Анатолий?

- Да - коротко ответил Анатолий.

- Георгий Федорович, по-моему, ответ напрашивается сам собой. Только что Анатолий Николаевич ознакомился с Приказом, в котором отмечается его халатность в работе. Это новшество так же связано с именем Иванова. У предприятия нет лишних денег, чтобы покрывать промахи бракоделов. Как я понял, сумму 600 рублей входит только стоимость металла. Но ведь будут и трудовые затраты.

- Геннадий Васильевич, - прервал его рассуждения Комаров, - может быть, пожалеем парня? Ведь все-таки он быстро освоил компьютерное проектирование.

- Комаров, Вы неплохой адвокат, но плохо контролируете подчиненного Вам конструктора! – перешел на крик возмущенный Генеральный директор. – Я не допущу бесхозяйственности! Мои люди должны работать на выпуск дорогостоящей продукции, а не исправлять чьи-то просчеты! Впредь буду взыскивать за промахи этого специалиста и с вас тоже! Металл будете приобретать за счет Иванова. Идите оба.

- Вот и я попал под горячую руку директора – сказал Комаров, когда они оба вышли из кабинета Генерального директора – Стоит только раз поскользнуться, и пошло – поехало. Слава, Богу, что заканчивается эта партия.

- Георгий Федорович, а почему стоимость этих палаток так занижена? – вдруг неожиданно для самого себя выпалил Анатолий.

Комаров остановился и уперся глазами в Иванова.

- Ты что говоришь?! – прошипел он. – Да ты понимаешь, что ты говоришь?! Это не твоего ума дело! Твое дело давать цеху качественную документацию, чего пока нет! И запомни: ты этого не говорил и я этого не слышал. – Комаров как-то сразу обмяк. – и запомни еще – я тебе этого не прощу! – Он резко открыл дверь своего кабинета и так же резко закрыл ее за собой.

Иванов вошел в свою комнату, сел на стул и почувствовал, как он устал за этот день. «Дурак, что я наделал? Зачем нужно было мне это брякнуть. Ну, да, занизил он стоимость палаток. Но мне, то, что до этого! Как-никак, но он меня защищал перед этим Раком. А теперь? Что я выиграл от этого дурацкого заявления? Идиот, форменный идиот». Анатолий продолжал себя ругать, но слово не воробей, сказал и обратно не вернешь. Состояние было совершенно не рабочее. Надо было идти в гостиницу, чтобы лечь и отключиться от всего, но и цех нельзя держать на простое. «Окончательно Ракон меня заматал. Не уволят меня сейчас. Что делать? До дня рождения надо работать».

Анатолий взял новые чертежи и пошел в цех.

- Сергей Петрович, вот новые чертежи на 15 палаток.

Мастер взял чертежи.

- Завтра я посмотрю, что к чему. Если будут вопросы, позову.

- До свидания, Сергей Петрович.

- Будь здоров.

Анатолий пошел в гостиницу. Рабочие еще не появились. Рабочий день еще продолжался. Он вошел в свою комнату, запер за собой дверь, разделся и лег на постель лицом в подушку. Ему хотелось от всего спрятаться, укрыться, ничего не видеть и не слышать.

В таком состоянии отрешенности он лежал долго. Он слышал, как начали приходить рабочие в гостиницу, как они возились, плескались в душе. Когда Анатолий заснул, он не запомнил. Он просто провалился куда-то в небытие. Ему снились родители, цех, поезд. Он куда-то ехал и все не мог устроиться. Ему все что-то мешало, не давало покоя.

Проснулся он от сильного стука в дверь.

- Кто там? – недовольно спросил он.

- Открой, это я, Виктор.

- Послушай, оставь меня в покое. Я сплю.

- Ты ужинать-то будешь?

- Нет.

- Ну, как знаешь. Все собрались за столом. Тебя ждем.

- Ужинайте без меня. Я очень устал. Я спать буду.

За дверью слышались удаляющиеся шаги и все затихло.

«Вот черти неугомонные. И что я им дался?» - недовольно ворчал про себя Анатолий. Он закрылся с головой одеялом. Ему хотелось от всего скрыться, чтобы ни кто его не трогал и не замечал. Нахлынувшая на него волна злобы, мести готова была захлестнуть и смести его. «Неужели этому беспределу нет конца? Что ему нужно, этому Кинг-Конгу?» Формально Раков был прав, но это безжалостное давление, этот непрерывный прессинг обескураживает, парализует. «Что он со мной вытворяет?» Вновь и вновь возникали у Анатолия эти панические мысли. Он чувствовал свою полную беспомощность, и это парализовало его волю. С этими мыслями он заснул.

Последующие дни были однообразны и утомительны. Анатолий целыми днями метался между компьютером и цехом. Работал с огромным напряжением, боясь допустить хоть малейшую оплошность. Если прежде он работал увлеченно, и работа доставляла ему удовлетворение и уверенность в себе под опекой заботливого друга его отца, то теперь он чувствовал себя одиноким и брошенным в этом холодном и равнодушном окружении людей, озабоченных, лишь своими проблемами, желанием заработать. Эти люди,

оторванные от своих семей, поставленные в положение рабов, становились желчны, жестоки и завистливы. Свой отдых он находили лишь под действием алкоголя.

Анатолий не мог составить им компанию, по причине того, что спиртное, и все напитки, содержащие алкоголь, вызывали в нем отвращение. Это его отношение к спиртному противопоставляло его всем рабочим, проживающим в гостинице. Анатолию и раньше завидовали за его особое положение в коллективе. Но если раньше побаивались подсмеиваться над ним из-за высокого покровителя, то теперь, когда положение неприкасаемого было с него снято, насмешки и колкие реплики сыпались на его голову со стороны рабочих, делая его пребывание на предприятии тяжелым испытанием.

Наступил декабрь.

Однажды во время работы раздался телефонный звонок.

- Зайди ко мне – услышал он в трубке недовольный голос Генерального директора.

Анатолий, отложив работу, направился в кабинет Геннадия Васильевича.

- Можно? – постучав в дверь и приоткрыв ее робко спросил Иванов.

- Входи. Садись. – Раков сидел за своим столом и внимательно смотрел на вошедшего Анатолия, - звонил твой отец из Самары. Просит разрешить тебе съездить домой на твой Юбилей. Тебе 25 лет, кажется, исполняется. Поезжай. Трех дней тебе хватит дома побывать? С дорогой значит пять. Так и быть, поезжай. Считаю это подарком от меня.

- Спасибо, Геннадий Васильевич – тихо сказал Анатолий, не глядя на своего благодетеля.

- Выпиши командировочное удостоверение у Тамары Львовны.

- Спасибо, Геннадий Васильевич. До свидания.

Анатолий вышел из кабинета и направился в бухгалтерию.

Оформив командировку и получив деньги, Анатолий направился к Комарову.

- Можно к Вам, Георгий Федорович – приоткрыв дверь кабинета, спросил Анатолий.

- А, Иванов, входи. Чего тебе?

- Георгий Федорович, Геннадий Васильевич меня направляет в командировку в Самару.

- Зачем в Самару? – Комаров поднял трубку прямой связи с Генеральным директором. Геннадий Васильевич, зачем Вы направляет Иванова в Самару? У него сейчас работы не впрок. А-а-а..Ну, ладно. Так что же ты дезинформируешь? Не направляет, а отпускает. Человек он великодушный. Ну, так и быть, поезжай. Только в эти дни до отъезда доделай чертежи нового заказа, рассчитай количество металла и передай заявку снабженцам. И

смотри не напортать. Пока ты там будешь гулять, здесь металл получают и к твоему возвращению начнут рубить. Я хочу Сергея Петровича в Самару отправить. Поработаешь мастером.

- Хорошо, Георгий Федорович.

Анатолий после работы съездил на вокзал и купил плацкартный билет до Самары.

Несколько дней до отъезда Анатолий сидел за работой допоздна. Заказ был сложный и металлоемкий. Приходилось перечерчивать конфигурацию здания, чтобы найти правильное конструктивное решение. Эта напряженная, изнурительная работа окончательно измотала Анатолия. В день отъезда, поезд отправлялся вечером, Комаров пригласил его к себе. В кабинете сидел Заказчик. Анатолий вошел с папкой чертежей и документов, выполненных с большой тщательностью.

- Вот наш конструктор, Ибрагим – представил Комаров Анатолия Заказчику.

Анатолий пожал пухлую, влажную, небрежно протянутую руку. Он разложил на столе чертежи. Заказчик взял чертеж, на котором был изображен весь торговый комплекс.

- Хорошо. Сколько металла надо?

- Сто тридцать две тонны, - ответил Анатолий.

- А меньше нельзя? – Спросил Ибрагим - что-то многовато получилось. Дорого будет.

- Но здесь нарисовано то, что Вы заказывали. Вот задание, приложенное к Договору, - смутился Анатолий.

- Что задание, Задание это то, что я хочу иметь в натуре. А что ты начертил, это еще не значит, что я хочу это иметь. Много металла, много. Из такого количества металла Эйфелеву башню построить можно.

- Послушай, Ибрагим, ты же не хочешь, чтобы крыша тебе на голову свалилась от ветра или провалилась под тяжестью снега. Здесь все рассчитано и все учтено, - вступил в разговор Комаров.

- Это ты правильно говоришь, все должно быть учтено. Я за это деньги плачу. Но я сам все в уме считаю. У Кирима тоже, почти, сделано, но он потратил 80 тонн железа.

- Ну, ладно, Ибрагим давай так поступим. Ты оплачиваешь половину металла, и мы начинаем работать, а конструктор вернется из Самары и еще раз все пересчитает и постарается поменьше металла затратить. Идет?

- Георгий Федорович, – вскочил Анатолий, - я несколько раз пересчитывал этот торговый комплекс. Я выбрал самый оптимальный вариант. Облегчить конструкцию – значит, ее ослабить, а я не хочу рисковать.



- Иванов, сядь и слушай. Ты ведь не в цехе, - осадил его Комаров – Ну, что Ибрагим, идет?

- Я думаю, что это правильное решение. Здесь ему много думать надо.

- Хорошо, Анатолий Николаевич, оставь документы и иди. Детали с Ибрагимом Мы подработаем.

«Вот гад, опять за моей спиной сторгуется, а меня опять подставит». Думал Анатолий, идя к себе в комнату. Он набрал домашний номер телефона в Самаре.

- Мама? Это я, Анатолий. Я выезжаю поездом №72, вагон №5. В Самаре буду в 7 часов утра. Ты меня не встречай. Жди меня дома. Я сейчас Тане позвоню. Она меня встретит. Я целую тебя. До встречи.

Он положил трубку, и снова ее снял и набрал номер телефона Тани. В трубке молодой мужской голос.

- Алло, Вам кого?

От неожиданности Анатолий молчал.

- Алло, Вам кого? Говорить.

- Мне Таню, - выдавил Анатолий.

- Я слушаю, это ты, Анатолий?

- Да, я. У тебя гости? – невпопад зачастил Анатолий

- Во-первых, здравствуй. Ну да, у меня гость. Это Виктор из нашей лаборатории.

- Здравствуй, Тана. Я сегодня выезжаю в Самару. Хотел тебя обрадовать, что завтра встретимся.

- Ты, конечно, меня обрадовал. Приедешь, позвони мне на работу.

- Ты меня не встретишь? Поезд прибывает в 7 часов утра, вагон пятый.

- К сожалению, встретить я тебя не смогу. Мне надо быть на работе в 8 часов. У нас сейчас идет эксперимент, и мы работаем в три смены круглосуточно. А разве мама тебя не встретит?

- Да, конечно, встретит. Ты, действительно, не беспокойся. Извини, что я так неожиданно позвонил. До свидания. До встречи.

- До свидания, Толя, - ответила как-то облегченно Таня и положила трубку.

«Странно, что за Виктор? И не поцеловала на прощание? Постеснялась?». Этот звонок Тане как-то смутил Анатолия. «Приеду, разберусь», - успокоил он себя. Но осадок от этого разговора не давал ему покоя. Он снова и снова возвращался мысленно к этому разговору, вспоминая все интонации Таниного голоса, голоса ее гостя, свое смущение. Какое-то предчувствие омрачало его и без того невеселое настроение. Его беспокоило не ясное положение с проектом комплекса. Что значит начать делать то, что не устраивает заказчика? Или у Комарова задуман какой-то хитрый план? Но ведь крайним всегда будет конструктор, т.е. он, Анатолий. Единственным радостным и светлым событием, к которому он стремился, о котором мечтал – была встреча с Таней. И вдруг, здесь тоже возникает препятствие, какая-то неясность, вызывающая массу вопросов, сомнений, раздумий. Анатолий почувствовал, как он устал за эти последние месяцы, он ощутил невыносимую тоску почему-то родному, единственному, близкому. И этим существом была Таня, родная, любимая Таня, которую он скоро увидит, обнимет, и ее ласки снимут с него этот груз непосильных для него мучений.

Его вывел из этих раздумий телефонный звонок.

- Алло, я Вас слушаю.

- Анатолий, зайди ко мне - раздался в трубке голос Комарова.

Анатолий, постучав, вошел в кабинет технического директора.

- Садись. Ты понял, как надо с Заказчиками вести дело? С этим народом надо держать ухо востро, пока деньги у него в кармане. Надо его раскрутить, заставить сделать первый взнос, а дальше он будет сговорчивее – хитро улыбаясь, говорил Комаров, - коммерция – это наука. Тебе надо ее постигать, пока молодой.

- Он заплатит за металл? – спросил Анатолий

- Он за металл заплатит. Но тебе необходимо сейчас посмотреть свои чертежи и выбрать те элементы, которые нельзя ослабить, ни в коем случае. Эти элементы отдашь мастеру, и пусть начинают делать заготовки, когда придет металл на этот заказ. Иди, работай. У тебя поезд вечерний, наш фирменный?

- Да, в 20-45.

- Закончишь и поезжай. Привет родителям. Не задерживайся. Сам видишь, какая здесь обстановка, - Георгий Федорович, сидя протянул Анатолию руку для пожатия.

Придя к себе в комнату, Анатолий разложил чертежи. «Какие же элементы нельзя ослабить? В жесткой сварной конструкции все элементы включены в работу. Надо дать на изготовление самые длинные элементы: стойки и раскосы», - решил Анатолий. Он отобрал чертежи стоек и раскосов, на компьютере сделал распечатку номеров чертежей и количество заготовок по каждому чертежу и отнес все в цех.

До отхода поезда оставалось два часа. «Пора собираться» - решил Анатолий и пошел в свой номер в гостинице. Он быстро побрился электробритвой, подаренной отцом, сходил в туалетную комнату и сполоснулся холодной водой из-под крана, насухо вытерся, оделся потеплее. С собой он ничего не взял. Выходя с территории завода, он никого не встретил. Зайдя в ближайший гастроном, он купил большой и красивый бисквитный торт - подарок из Москвы. На Казанский вокзал он приехал за 30 минут до отхода поезда, прошел на перрон, нашел свой вагон, показав проводнику свой паспорт и билет, вошел в вагон и сел на свое место. До отхода поезда вагон был заполнен пассажирами. Ровно в 20-45 поезд плавно тронулся и мягко покатился по рельсам. У Анатолия стало легко на душе. До отхода поезда он был в напряженном ожидании, что вот сейчас кто-то вбежит в вагон и скажет, что ему надо срочно возвращаться на этот опостылевший за эти 2 месяца завод. Но теперь это опасение отпустило его и стало легко и свободно дышать. Он сидел с закрытыми глазами, облокотившись на стенку купе, и слушал постукивание колес на стыках рельс. Этот звук как бы говорил: «Домой, домой, домой....». Соседи по купе разговаривали, спорили, смеялись, но Анатолий продолжал сидеть с закрытыми глазами. Ему никого не хотелось видеть, а тем более принимать участие в дорожных разговорах. Он сидел и наслаждался ощущением свободы. И незаметно для себя задремал.

- Молодой человек, предъявите Ваш билет, - слышалось ему издали, но мгновенно сознание вернуло его к реальности.

Он достал из нагрудного кармана паспорт, в котором лежал билет и передал его проводнику.

- Постель брать будете? – спокойно спросил проводник.

- Конечно – так же спокойно ответил Анатолий.

- С Вас 24 рубля. Желательно без сдачи.

Анатолий отсчитал требуемую сумму и передал ее проводнику. Проводник прошел в следующее купе, а Анатолий вновь занял прежнюю позу и закрыл глаза. «Домой, домой, домой...» - стучали колеса.

В 7 часов утра, следующего дня, поезд плавно подкатил к перрону г.Самары. Анатолий, подхваченный толпой прибывших с поездом пассажиров, вышел на вокзальную площадь. Табло высвечивало «0» градусов, падал большими хлопьями редкий снег. Анатолий втиснулся в автобус, высоко подняв свой торт. «Хорошо, что я ничего с собой не взял» - подумал он. Через 30 минут толкотни и тряски в салоне автобуса, наполненном выхлопными газами, как в душегубке, Анатолий вышел на своей остановке, прошлепал по лужам до своего дома, поднялся на лифте и нажал кнопку звонка. Дверь открыла мама.

- А почему ты не открыл дверь своим ключом? – встретила она сына вопросом. – Боже мой, какой огромный торт. Ну, здравствуй, сынок. – Она крепко обняла сына и прижалась к

его груди щекой. — Как хорошо, что ты приехал. Я так соскучилась по тебе, будто век тебя не видела. Ну, раздевайся. Промок, наверное?

- Да нет, мам. Здравствуй. — Он прижался щекой к ее голове. — Я тоже соскучился.

- Ты, наверное, голодный?

- Я хотел бы начать с душа, смыть с себя всю налипшую грязь. У нас в гостинице душ есть, но он такой грязный, замызганный, что за эти два месяца я в нем мылся раза 2-3.

- Конечно, конечно. Что ж это Раковы так о людях плохо заботятся? Я тебе сейчас достану большое полотенце и махровый халат. Отец уж давно им не пользуется. Я его постирала и он чистый.

- Спасибо, мам.

- Какой же ты у меня разговорчивый: «Да, мам», «Спасибо, мам». Неужели у тебя для матери других слов нет? Ну, иди, иди. Ворчливой я становлюсь. Старею.

- Да что ты, мамочка, ты у мен еще совсем молодая.

Анатолий взял душистое полотенце, накинул на плечо халат и ушел в ванную комнату. Стоя под струей теплой воды, он чувствовал физически, как смывает с себя всю грязь, боль и страдания, перенесенные им за эти месяцы работы в Москве. И вместе с этим освобождением он ощущал, что одна мысль о возвращении обратно в эту, ставшей ненавистной ему среду, вызывает у него отвращение и ужас. И все эти страдания он терпел ради идеи, внушенной ему его отцом, идеи создать счастливую семью в новой, уютной квартире, в которую он внесет на руках свою жену, свою Таню. Но как теперь осуществить эту мечту, если сама мысль о продолжении работы в Москве для него стала невыносимой?

Из ванной Анатолий вышел раскрасневшийся, чисто побритый.

- С легким паром, сынок, - вышла из кухни навстречу ему мама. — Ну, вот теперь ты чистенький, румяненький. Наверное, кушать хочешь? Глазки у тебя какие-то печальные. Что-то тебя гнетет.

- Да нет, мам, просто устал с дороги, да и голодный, конечно.

- Ну, иди, садись за стол. Гостей-то к столу вечером будешь приглашать?

- Я только Таню хочу пригласить.

- Это твой праздник, ты и приглашай. Я только хотела узнать, на сколько человек готовить стол.

- Ты, я, отец и Таня — ответил, подумав, Анатолий.

- Очень хорошо. Все свои. Я сама не люблю большие компании, - мам говорила и накладывала сыну в тарелку толстую яичницу с колбасой. – Рюмочку-то дать? После ванны снимает усталость.

- Да, налей, пожалуйста. В голову мысли какие-то невеселые лезут. От работы последние дни даже спал плохо.

Мама налила рюмку Столичной водки и поставила перед сыном на стол. Анатолий выпил ее залпом и с аппетитом приступил к омлету.

Поблагодарим мать за вкусный завтрак, Анатолий пошел в свою комнату, снял халат и лег в чистую постель. Голова слегка кружилась, тяжелые раздумья оставили его, и он быстро заснул. И опять ему снился Раков, который на своем Джипе увозил Таню. Она сидела на заднем сидении и махала Анатолию рукой, а он бежал за ним и кричал: - Стойте! Стойте!

Он проснулся от прикосновения чьей-то руки. Это был отец.

- Здравствуй, сынок. Ты извини, что я тебя разбудил. Я зашел посмотреть на тебя, пока ты спишь. Соскучился я по тебе. А ты что-то бормотать начал. Я тебя и разбудил. Видно ты тревожный сон видел.

- Здравствуй, пап. Разоспался я что-то. А который сейчас час? – Анатолий тер кулаками глаза и зевал.

- Да уж скоро два часа, без семи два часа, - сказал отец, глядя на свои ручные часы – Пора тебе вставать. Я отпросился после обеда с работы. Говорю: «У сына юбилей, надо подготовиться». Отпустили. Ты одевайся. Я пойду, переоденусь, да буду матери помогать на кухне..

Отец вышел из комнаты.

Анатолий сел на кровати. Чувствовал он себя бодро. Если бы не этот сон, то и настроение было бы не такое тусклое. «Надо Тане позвонить», подумал он и стал одеваться.

На работе Тани не было. Домашний ее телефон тоже не отвечал. Это обстоятельство обескуражило Анатолия.

- Да что ты, как в воду опущенный? – подошел к нему пахнущий чесноком отец.

- Что-то Тани нет ни на работе, ни дома.

- Может быть, она в дороге или в поликлинику зашла, или к подруге. Да мало ли куда по необходимости может зайти молодая женщина? В магазин, например, тебе за подарком. Еще не вечер. Объявится твоя Таня – бодро сказал отец и вернулся на кухню помогать жене, готовить закуски.

Анатолий тоже мог предположить различные варианты, где бы могла быть Таня в это рабочее время, но какое-то предчувствие угнетало его. И этот уверенный мужской голос, прозвучавший в трубке домашнего телефона Тани и ее холодное прощание тогда на вокзале. Анатолий сел в кресло перед телевизором, включил его, чтобы не беспокоить родителей своей задумчивостью, но телевизор он не смотрел. Он вспоминал все подробности их отношений последние месяцы. Он припомнил и то, что Таня перестала ему звонить в Москву, как это она делала чуть ли не через день раньше, и ее холодный и рассеянный, как ему показалось, ответ последнего разговора. К его унынию добавилась растерянность. Казалось, он терял последнюю опору, последнюю надежду в этом городе, да и в жизни. Все последние события, произошедшие с ним на работе в Москве, он как-то невольно сглаживал и устранял, внушая себе то, что он все должен стерпеть ради Тани, ради их будущего. «Нет, не может быть, чтобы она предала меня. Действительно, отец прав, она готовится ко встрече со мной. Совсем я что-то раскис. Нельзя так» – приободрил он себя. Он снова пошел к телефону и позвонил Тане на работу. «Она отпросилась с обеда». Ответили ему на его вопрос: «Когда ее можно застать?» Повторный звонок домой к Тане тоже не дал результата. Анатолий выключил телевизор и пошел на кухню к родителям.

- Мама, давай мне работу. Я хочу Вам помочь – предложил Анатолий, войдя в кухню. В это время отец резал большим столовым ножом сырокопченую колбасу тонкими ломтиками, а мама что-то мешала ложкой в кастрюльке, стоявшей на газовой плите.

- Очень хорошо. Садись и потри сыр на терке, - сказала мама, не отрываясь от кастрюльки –терку возьми в стойке, а сыр в холодильнике на верхней полке.

- Это ты правильно решил: прийти нам на помощь. Уже четвертый час, а у нас еще ничего не готово и мужские руки необходимы – не отрываясь от своей ответственной, как ему казалось, работы сказал отец.

- Положим, сыр могли бы потерять и женские руки, но хорошо то, что ты пришел к нам. Подвинься, отец. Вот, Толенька, садись, три и рассказывай о своей Московской жизни – сказала мама, снимая кастрюльку с огня – Ну вот, соус готов.

- Откровенно говоря, событий столько, что не знаю с чего и начать, - сказал Анатолий, усаживаясь за стол с теркой и сыром. – Мама, у меня нет емкости для натертого сыра, однако.

- Возьми, сынок, доску и глубокую тарелку. На доске будешь тереть и в тарелочку складывать – сказала мама, переливая соус, приготовленный ею, в миску.

- Начни с простого: приехал ты в Москву. Как тебя встретили, как ты устроился. Нам ведь с матерью все интересно знать о тебе – подсказал сыну отец.

- Устроился в одноместном номере. Дали чистое белье. В столовой готовят прекрасно, но дороговато. Бытовые условия Раковы организовали не плохо, но весь фокус в том, что все самарские рабочие, в том числе и я, находимся на нелегальном положении. Сама гостиница

и столовая нигде не зарегистрированы и существуют инкогнито, так сказать. А все рабочие и работники столовой нигде не фигурируют.

- А как же они зарплату получают? – спросил, пожимая удивленно плечами, отец.

- Платят из черной кассы и платят столько, сколько скажет Геннадий Васильевич. Поэтому его появления в дни получки ждут, как манны небесной. Я больше скажу. Из-за того, что все мы, проживаем в гостинице, не зарегистрированы в милиции, нам никуда нельзя выходить, т.к. вы же слышали, наверное, в Москве, особенно, на станциях метро милиция проверяет у молодых парней регистрацию в паспортах. Если ее нет, забирают в отделение и высылают по месту жительства.

- Что ж получается, Вы там у Раковых как рабы – от возмущения отец даже колбасу резать перестал.

- Получается так – в том ему ответил Анатолий, продолжая тереть сыр.

- Но зачем это издевательство над людьми – возмущенно сказала мама.

- Ты не понимаешь ничего в бухгалтерии – махнул рукой отец, - Раков на этом огромные барыши имеет. Ведь и за гостиницу и за столовую, и за регистрацию рабочих надо платить большие налоги в городскую казну, а он ничего не платит и получает сверхприбыль.

- Так это же воровство! – возмущенно изрекла мама.

- Дорогие мои родители, наша кухня сейчас превратится в клуб для митингующих. Предлагаю на стене написать лозунг: «Долой Раковщину», а на другой стене написать: «Не пейте пиво с Раковыми». Нет, правда, эта тема слишком волнительна и не надо ее сейчас освещать. Оставили эту тему до вечера, а то ведь и не приготовим ничего или, еще того хуже, от возмущения начнем тарелки бить. Успокойтесь. Сейчас в нашей стране такие безобразия творятся, что эти нарушения – мелочь. Рядом с нами предприятие Мосрадиопромстрой. Начальник Лысак Валерий Николаевич. И у него такая же армия рабов в гостинице, устроенной под железной крышей на чердаке. Белья там не выдают и люди спят на засаленных матрацах. Да таких рабов по Москве скрывается несколько тысяч.

- Ну, а милиция на что же смотрит? – несколько успокоившись и продолжая свою кропотливую работу, сказал отец.

- Да милиция на этом кормится. Каждую неделю к нам на завод на своей личной «Волге» приезжает майор милиции и идет прямым ходом в кабинет к Ракову. Минут через 30-40 он выходит от туда счастливый и довольный. Думаю, что через этого майора милиции подкармливается и районная власть. Папа, у Ракова все схвачено в Москве. Иначе, зачем ему вести гаражи из Самары в Москву. Их что, в Москве не могут сделать?

- Мужчины, хватит Вам об этих негодях говорить! У меня даже руки от волнения затряслись. Все-таки у нас сегодня праздник. Шутка ли, сыну исполняется 25 лет. Это же

четверть века! Ты помнишь, отец, как мы с тобой встретились? Тебе тоже тогда 25 лет было. Какое было прекрасное время. Молодость – это неповторимое счастье.

Вера Сергеевна подошла к мужу и прижалась к нему.

- Помнишь, Коля, нашу молодость? – сказала она тихо.

- Конечно, Верочка. Как мы по Волге на лодке катались.....да, много тогда было прекрасного – Николай Михайлович любовно погладил свою жену по голове.

- Ну, Вы расслабились – посмотрев с завистью на родителей, сказал Анатолий.

- Да, отец, заканчивать пора наши приготовления, - встрепенувшись, сказала мама. – Толя, ты бы еще раз Танечке позвонил.

Анатолий, закончив свою работу на кухне с сыром, помыл руки над кухонной раковиной, насухо их вытер и пошел к телефону. Он набрал домашний телефон Тани. У Тани трубку никто не снимал. Он повторно набрал ее телефонный номер, но телефон Тани не отвечал. Анатолий подошел к окну. На город опустились сумерки, зажглись уличные фонари.

«Чертовщина какая-то, неужели самой трудно позвонить?» - думал Анатолий, глядя в окно. «Ведь знает же, что я жду ее, волнуясь».

- Мам, ты знаешь, давай накрывать стол – пройдя на кухню, сказал Анатолий. – В конце концов, как говорят: у нас все дома. Отметим мой юбилей в тесном семейном кругу.

- Может быть, ты сходишь к Тане? Ведь может быть у нее телефон отключили или еще какая причина – осторожно сказала мама.

- Нет, это исключено. Если бы было так, то она бы от соседей позвонила. А идти в пустую квартиру, смысла никакого нет – стараясь быть равнодушным, ответил юбиляр. – Давайте пировать. Папа, бери закуски, спиртное и за стол.

- Да, Анатолий прав. Да и проголодался я изрядно. Я ведь без обеда сегодня. Давайте друженько все вместе накроем наш праздничный стол. Мать, доставай свои пироги. Не засохли они у тебя? – отец стал доставать из холодильника бутылки.

- Они у меня под влажным полотенцем, свеженькие.

Мама достала чистую, красивую с богатыми цветами скатерть, постелила ее на круглый стол в большой комнате и все трое стали носить закуски и расставлять их на столе. Тут была и колбаса сырокопченая, и селедка под шубой, и грибочки маринованные, и сыр чесноком и майонезом, салат «Оливье», и рыбка красная. В центре стола поставили большое блюдо с пирогами.

- За этим столом можно целую роту солдат накормить – оглядывая стол, как поле сражения, сказал отец.



- Я же думала, что гости будут, – робко сказала мама.

- Прекрасный стол. Спасибо тебе, мамуленька – обнимая мать, сказал Анатолий.

- Ну, так садимся и в бой – решительно отодвигая стул, сказал отец.

Все сели за стол. Одно место для Тани оставалось свободным.

- Жаль, что Тани нет, - печально сказала мама. – Она последнее время как-то странно стала себя вести. Я однажды встретила ее на улице и она, увидя меня, перешла на другую сторону, очевидно, чтобы не здороваться.

- Ну, почему сразу ты так решила – заступился за Таню отец. – Может быть человеку надо было перейти, вот и перешла. Ведь они, молодые, так сейчас замотаны: и учеба, и работа, и магазины.

- Вы отклоняетесь от темы, - наливая водки себе и отцу, сказал Анатолий. – Мама, тебе какой, беленькой или красненькой наливать?

- ДА лей уже всем водочки. За тебя, сынок, за твое будущее. Чтобы все у тебя сложилось, - вставая и поднимая полную рюмку водки, сказала мама.

- Будь, сын, молодцом – поддержал мать Николай Михайлович.

Все выпили.

- А все-таки ты что-то недоговариваешь, Анатолий, - сказал отец, закусывая пирогом с капустой,- Ах, какие прекрасные пироги. Какое счастье, что у нас с тобой такая мама.

- Поэтому я предлагаю тост за маму, - сказал Анатолий, наполняя свою рюмку и рюмку отца. Вера Сергеевна только пригубила свою рюмку, поэтому ее рюмка была полной. – Дорогая мамочка, папа сказал очень точно. Какое счастье, что у меня такая мама. Я желаю тебе здоровья хорошего, бодрости, и большого человеческого счастья.

- Мое счастье – это Вы с отцом, - сказала мама, глядя на сына благодарными глазами, полными слез.

Отец и сын выпили стоя.

- Сынок, закусывай. Ты выпиваешь, а закусываешь плохо.

- Спасибо, мамочка, я закусываю, закусываю, - ответил ей Анатолий, беря пирог с капустой.

- Теперь давайте за отца выпьем. Ему ведь, ох как, достается. С работы приходит и валится на диван.

- Да, приходится крутиться. Молодые на пятки наступают. Изделия, гаражи эти самые, гоняй с массой недоделок. Дело понятное: куй железо, пока горячо. Покупаются они и у нас, и в Волгограде, и в Москве. Рабочих торопят, а они делают много брака, халтурят. Поэтому в ОТК работа очень напряженная. Мне, как начальнику, приходится оформлять возвраты, ругаться, доказывать. В общем, муки смертные. Переругался уже со всеми. Иногда и мои ребята брак недосматривают. В результате рекламации пошли. От этой нервозности ужасно устаю.

- Надо бы тебе что-нибудь поспокойнее подыскать, - погладив мужа по спине, сказала Вера Сергеевна.

- Может быть в сторожа податься? Это теперь самая востребованная профессия. Воров наплодили, теперь от них охраняемся. Создается такое впечатление, что одна половина народа ворует, а другая охраняет от воровства. Как сказал бы мой отец: « Чудны` дела твои, Господи».

- Не чудны`, а чу`дны, - поправила Вера Сергеевна – Со сторожем ты перехватил, а вот рядовым сотрудником мог бы пойти.

- Дорогие родители, успокойтесь. В народе ведь как говорят: «Хорошо там, где нас нет». Давайте выпьем за папу. Отец, я желаю тебе здоровья и терпенья. Смотри на все проще. У тебя ведь есть подчиненные. Вот пусть они и крутятся.

- Мать, смотри, как сын заговорил. Совсем зрелым мудрецом стал.

- Сынок, может быть, хватит наливать-то? – робко сказала мама.

- Нет, мама, за папу обязательно выпить надо.

Анатолий налил в рюмки водки.

- За тебя, отец, - он залпом выпил рюмку водки.

- Закусывай, закусывай, сынок, ты же так совсем опьянеешь.

- Да что ты мама, ерунда какая. Я закусываю. – он взял пирог. – Я хочу сейчас к Тане сходить. Может быть, с ней что-то случилось? Не может же она пропасть?

- Позвони еще раз – сказала мама.

- Нет, это бессмысленно. Телефон молчит уже 3 часа. Я не долго. Зато все выясню. Вы пока ешьте, а я быстренько туда и обратно.

Анатолий обул теплые сапоги, пальто, нахлобучил шапку и вышел на лестничную площадку. Он неторопливо спустился по лестнице вниз и вышел на улицу. Было уже темно, горели уличные фонари, шел снег пушистыми большими хлопьями. Снежинки медленно кружились в воздухе, сверкая в лучах фонарей. Анатолий также не спеша пошел по улице к

дому, где жила Таня. Он чувствовал облегчение после напряженного для него застолья. Ему было легко одному, самому с собой. Голова немного кружилась от выпитой водки. Он думал о Тане. Он представлял себе, что сейчас увидит ее, обрадованную его появлением, и ему станет легко и спокойно. Вместе они обсудят все накопившиеся проблемы. От Тани ему ничего не хотелось скрывать и быть совершенно открытым. Ему казалось, что только Тане он может все рассказать с полным откровением, только с ней он может поделиться своими планами и высказать ей все свои обиды, незаслуженно, как ему казалось, полученные от Ракова. Он ясно помнил ее слова: «Уходить тебе от него надо. Погубит тебя Раков». «Да, она совершенно права. Эта кара, которой я подвергаюсь за свое заступничество, не может продолжаться вечно. Надо с этим кончать». Он шел к Тане, как к своей освободительнице. Этого он не мог сказать своим родителям и этот груз тяготил его в общении с ними. Это было его личным, и этим своим личным он откровенно мог поделиться только с любимым человеком, перед которым у него нет никаких тайн.

Размышляя так, он остановился у двери Таниной квартиры. Он нажал кнопку звонка. Дверь открыл высокий парень. От неожиданности Анатолий остолбенело стоял в дверях.

- Таня дома? – после нескольких секунд молчания выдавил Анатолий.

- Таня дома, - растерянно ответил парень.

Анатолий молча вошел в квартиру, отстранив рукой парня. Тот, не сопротивляясь, уступил ему дорогу. Анатолий снял пальто и шапку, повесил их на вешалку. Действовал он энергично, но машинально.

Он вошел в комнату. На диване в какой-то неловкой позе сидела Таня. У нее был вид человека, заставленного врасплох, на лице было выражение растерянности.

- Здравствуй, Татьяна. Ты извини, что я так бесцеремонно ворвался. Но я звонил весь день сюда и на работу. На работе сказали, что ты с обеда ушла домой. Твой домашний телефон не отвечает. Где ты пропадаешь?

- Я не обязана перед тобой отчитываться, где я бываю. – с вызовом ответила Таня.

- Это, конечно, так, но ты, же знала, что у меня сегодня день рождения и я буду тебя искать. И родители волновались.

- Но у меня своя жизнь и свои заботы. Меня и ты и твои родители мало беспокоят. Это, что, трудно понять? – Таня говорила взволнованно, но вид у нее был виноватый и на Анатолия она не глядела, а глядела в пол.

- Ты изменилась. Тебя узнать нельзя. Неужели это ты, моя Таня? – Анатолий подошел к Тане и хотел дотронуться до ее плеча.

Тана резко отпрянула от него в угол дивана.

- Да, я изменилась, и я уже не твоя. Виктор! Что ты смотришь? Попроси этого человека выйти из квартиры. – Таня уже не говорила, она кричала. Своим криком она пыталась заглушить нестерпимую боль всей этой сцены.

После этих слов Анатолий большими шагами быстро прошел на кухню. Он вернулся, держа большой столовый нож в правой руке. При виде Анатолия, вооруженного этим смертельным оружием, Виктор прижался спиной к стене и побледнел. Не издавая ни звука, он, скользя спиной по стене и напряженно глядя на острие ножа, обращенного к нему в руке Анатолия, проскользнул к двери и опрометью бросился из квартиры. Слышно было через открытую дверь на лестничную площадку, как он, прыгая через несколько ступенек, неся вниз к выходу.

Анатолий повернул свое побледневшее и сразу осунувшееся лицо к Тане. Таня стояла на диване, прижавшись всем телом в угол комнаты.

- Это кто, твой любовник? – он сказал это каким-то хриплым голосом. Во рту у него пересохло от волнения.

- Я люблю этого человека. Я прошу тебя оставить меня. – она уже не кричала. Она говорила сдавленным взволнованным голосом, полным ужаса.

Анатолий положил нож на край стола.

- Послушай меня, Таня. Я тебя люблю. Я люблю тебя давно, и ты это знаешь. Я прошу тебя, выходи за меня замуж.

- нет! Я не люблю тебя! – Таня снова перешла на крик – Ты мне чужой человек! Неужели тебе это непонятно?!

Анатолий подошел к дивану и взял Таню на руки.

- Глупая, неужели ты не понимаешь, что я без тебя жить не смогу. Ты должна быть моей женой. Иначе будет беда, – говорил он спокойно и уверенно. – Я тебя не выпущу.

Таня попыталась вырваться, но Анатолий крепко сжал ее.

- Силой ты не заставишь меня. Это глупо. Отпусти меня. Мне больно, - она говорила уже мягче.

- Ты должна сейчас сказать мне, что ты будешь моей женой – в голосе Анатолия звучала упрямая твердость.

- Нет, я не буду твоей женой. Быть женой нелюбимого человека абсурд. Я люблю другого человека. – Таня еще раз безуспешно попыталась вырваться.

- Кого? Этого горного козла? Посмотри, как он скачет. – Анатолий подошел к балкону, повернул ручку запора и открыл дверь. – Я тебя еще раз прошу выйти за меня замуж. – Он легко перенес Таню через перила.

- Ты сумасшедший дурак. Я женой твоей не буду никогда.

Анатолий разжал руки. Таня исчезла в темноте. Она не вскрикнула. От безразличия она даже не обхватила его за шею.

Анатолий вошел в комнату. Он чувствовал невыносимую усталость. Он сел на диван у торшера, на полке которого стоял телефон. Анатолий снял трубку и набрал 02. В трубке после нескольких гудков раздался женский голос.

- Дежурная слушает.

- Я убил человека. Приезжайте на Гастелло дом 19, квартира 75. – он положил трубку.

Он сидел совершенно опустошенный, склонившись на колени. Он не испытывал никаких чувств. Только усталость все больше и больше охватывала его. Несмотря на это, преодолевая себя, он поднялся с дивана и медленно пошел из комнаты, открыл входную дверь, вышел на лестничную площадку, нажал кнопку вызова лифта. Спустившись на первый этаж, он вышел на улицу. Холодный морозный воздух ожег его лицо. Он прошел вдоль дома и увидел на мерзлой земле чуть покрытой снегом, Таню. Она лежала на левом боку, неестественно вывернув левую руку, освещенная светом уличного фонаря. Глаза ее были закрыты, из уголка рта струилась тонкая полоска крови. Анатолий поднял ее и положил на свое плечо. В это время к подъезду подъехал милицейский УАЗ-ик, и два молодых милиционера быстро выскочили из передней и задней дверей автомашины, и бегом вбежали в подъезд. Анатолий, молча, нес свою жертву. Таня при каждом его шаге слабо стонала. Он вошел в подъезд. Милиционеров на площадке первого этажа уже не было. Анатолий нажал кнопку вызова лифта. Когда дверь лифта открылась, Анатолий осторожно вошел в кабину лифта и нажал кнопку седьмого этажа. Выйдя из лифта на площадку седьмого этажа, он увидел милиционеров. Они растерянно смотрели на этого странного убийцу. Дверь в квартиру была открыта. Анатолий прошел мимо милиционеров, вошел в квартиру, подошел к дивану, опустился на колени и осторожно положил Таню на диван. Её тело безвольно распласталось на диване. Она была мертва.